

BUGROV K.D., KISELEV M.A, *Estestvennoe pravo i dobrodetel'. Integracija evropejskogo vlijanija v rossijskuju političeskuju kul'turu XVIII veka*
[*L'intégration de l'influence européenne dans la culture politique russe du XVIIIe siècle*]

Kirill Ospovat

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/12083>

DOI : 10.4000/monderusse.12083

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 juillet 2020

Pagination : 508-513

ISBN : 978-2-7132-2832-2

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Kirill Ospovat, «BUGROV K.D., KISELEV M.A, *Estestvennoe pravo i dobrodetel'. Integracija evropejskogo vlijanija v rossijskuju političeskuju kul'turu XVIII veka* [*L'intégration de l'influence européenne dans la culture politique russe du XVIIIe siècle*]», *Cahiers du monde russe* [Onлайн], 61/3-4 | 2020, Выложить онлайн 01 juillet 2020, Наводить справки в 29 mars 2021. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/12083> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.12083>

© École des hautes études en sciences sociales

BUGROV K.D., KISELEV M.A.

Estestvennoe pravo i dobrodetel'

Integracija evropejskogo vlijanija v rossijskuju političeskuju kul'turu XVIII veka

[L'intégration de l'influence européenne dans la culture politique russe du XVIIIe siècle]

Ekaterinburg : Ural'skij federal'nyj universitet im. B.N. El'cina, 2016, 480 p.

Совместная монография двух екатеринбургских ученых об истории политических и общественных идей и дискурсов в России XVIII в. замечательна и сама по себе, и в связи с обрамляющими ее методологическими тенденциями. В последние годы история идей, давно ставшая самостоятельной

сферой изучения для историков западной культуры благодаря трудам Р. Козеллека, Кв. Скиннера, Дж. Покока и других, утверждается в качестве плодотворнейшей парадигмы для исследования русской культуры имперского периода. Это направление было задано сборником 2006 г. «Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit» под редакцией Петера Тиргена, продолжено инициированными В.М. Живовым сборниками «Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени» (2009) и «Эволюция понятий в свете истории русской культуры» (сост. В.М. Живова и Ю.В. Кагарлицкого, 2012), а также последовавшим за ними томом «Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики» (сост. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова, 2019). В 2012 г. под редакцией А.И. Миллера, Д. Сдвижкова и И. Ширле вышел двухтомник «Понятия о России: к исторической семантике имперского периода». Одновременно с этим разворачивалась исследовательская программа М.Б. Велижева и Т.М. Атнашева, выпустивших в 2018 г. сборники «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории» (2018) и, вместе с А.Л. Зориним, «Особый путь: от идеологии к методу», а также серию тематических подборок в «Новом литературном обозрении». В сходном русле написана вышедшая в 2017 г. книга Ричарда Уортмана, классика современной историографии имперской России, «The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries».

В этом ряду книга К.Д. Бугрова и М.А. Киселева «Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века» занимает почетное место как долгожданный монографический труд, последовательно изучающий заимствование, эволюцию и функционирование понятий западной политической мысли в России XVIII в., эпохи петровских реформ и послепетровской реформистской империи. Освободившись от методологических предрассудков, мешавших рассматривать переводы и заимствования в качестве первостепенного фактора культурной и интеллектуальной эволюции и, вместе с тем не прибегая к упрощенным представлениям о петровской «подражательности», Бугров и Киселев с завидной эрудицией и концептуальной широтой описывают переводную политическую литературу XVIII в., «царство забытых бестселлеров» (с. 13), как ключ к интеллектуальной истории столетия и, в приложении к книге, вводят в оборот предисловия к рукописным переводам той эпохи, а также полный текст русского перевода «Российских писем» Штрубе де Пирмонта.

Выполняя свои задачи, исследователи успешно прибегают к инструментарию различных дисциплин и разнообразным аналитическим подходам, продуктивно чередуясь и создающим стереоскопический эффект. Так, первая глава, написанная К.Д. Бугровым («Царство забытых бестселлеров: издание переводной морально-политической литературы в России XVIII в.») имеет самостоятельную ценность в качестве библиографического обзора русской переводной литературы XVIII в.,

печатной и рукописной, и вместе с тем задается центральными для всей книги вопросами о соотношении абсолютизма, политической морали и самых разнообразных дискурсивных форм, от аллегорического романа и учебника поведения до экономического трактата. Таким образом обозначается амбициозная задача книги, отказывающейся от привычных для российской науки дисциплинарно-тематических дроблений и обращающейся вместо этого к широким горизонтам исторической интерпретации культуры.

Последующие главы развивают эту исследовательскую программу, сочетающую историю понятий, таких как вынесенное в заглавие «естественное право»; историю институтов, в первую очередь образовательных; историю книги; политическую историю; и интерпретацию узловых текстов. В написанной М.А. Киселевым главе 2, «Первые шаги естественного права в России и реформы Петра I» в качестве стержня для изложения используется «естественное право» -- теоретическая доктрина, разработанная на западе теоретиками вроде Г. Гроция и С. Пуфендорфа, перипетии освоения которых в петровской России подробно рассматриваются в книге. «Естественное право» как теория общественного порядка, которая «фактически не нуждается в санкции божественного откровения» (с. 57), противопоставляется «богословию» (и «политическому богословию») как конкурирующему и не менее значимому для петровской России типу мысли: «Концепции нововременного естественного права для Петра I находились на периферии его интересов и фактически не оказали влияния на его реформы. Для проведения последних более чем эффективным показали себя политико-богословские рассуждения» (с. 120).

Принадлежащая М.А. Киселеву глава 3, «Из академии в политику: естественное право в России от Петра I к Петру III» рассказывает о бытовании концептов естественного права и – шире -- западной политической теории в России первой половины XVIII в. на основании широчайшего круга источников и исследовательской литературы, от архивных материалов Сухопутного шляхетного корпуса до западных работ по истории философских идей. Фактически речь идет о масштабной реконструкции политического языка, системы политического мышления, отображавшейся разными своими сторонами в действиях и рассуждениях политиков вроде А.И. Остермана и В.Н. Татищева; в истории дворцовых переворотов, в первую очередь «затейки» 1730 г.; и в учебных курсах правоведения и философии в Академии наук, Сухопутном шляхетном корпусе и Московском университете. Этот политический язык описывается при помощи несовпадающих категорий естественного права как опирающейся на абстракции теоретической парадигмы, и юриспруденции, кодифицированной академической дисциплины, ведению которой подлежало также положительное право, то есть реально существующие законы разных стран, вызывавшие, как известно, деятельный интерес Петра I (с. 82-85). В выводах этой главы в очередной раз формулируется методологическая установка всей книги, увязывающая историю с языком: «сдвиги в политических языках вели к изменениям

возможных границ для политических действий, делая неактуальными старые дискурсивные логики и открывая новые возможности» (с. 206).

Несмотря на обозначенное в оглавлении раздельное авторство, главы этой книги без труда складываются в методологическое и тематическое единство. Принадлежащая К.Д. Бугрову глава 4, «Ход маятника: добродетель и роскошь в российской политической мысли» продолжает намеченную выше линию аргументации на материале второй половины XVIII в. Название первой же подглавки («От Монтескье -- к Фенелону: форма правления, деспотизм и добродетель») указывает на концептуальную парадигму, постепенно вытеснившую естественное право в качестве основы российского политического языка, и на определявших ее полюса западных авторов. Опираясь на множество точечных исследований, показавших, например, важность Монтескье для Екатерины II, исследователь с полным основанием распространяет их выводы на более обширный материал: не только сочинительница «Наказ» использовала выписки из «Духа законов», но и, шире, «дебаты вокруг идей Монтескье, развернувшиеся в явной или скрытой форме в 60-е – 80-е гг. XVIII в. в России» уже вне «правового дискурса», складывались в общепринятые, но исполненные напряжений «манеры речи, коммуникативные практики, задававшие границы деятельности исторических акторов» (с. 270). Центральными в эту эпоху, вместо абстрактно-нормативных вопросов о происхождении и границах власти, оказываются проблемы внутреннего существования государства, которые Мишель Фуко обозначает понятием «правительственность»: «вопросы о добродетели, о коррупции, о роскоши, о коммерции – и, в конечном счете, о персональных качествах людей, граждан государства, судей и министров, купцов и воинов» (с. 270). Понятием «добродетели» – вторым из узловых концептов, вынесенных на обложку книги, – обозначаются переменчивые и текущие подходы к общественному существованию, раздираемому противоречивыми требованиями христианской морали, секулярной политики и торговой экономики. Помимо «добродетели», важнейшими категориями этих дебатов были «деспотизм» (от которого России нужно было во что бы то ни стало откеститься) и «роскошь» (служившая и критике, и апологии возникавшего капитализма).

На этом языке, который исследователь прослеживает в многочисленных русских сочинениях, выяснялись очертания существующего политического, морального и экономического порядка: долг подданного, границы абсолютизма и роль коммерции. Помимо Монтескье, узловым автором здесь оказывается Ф. Фенелон со своим «Телемаком», выдержавшим несколько волн рецепции в России XVIII в. Предложенное в рецензируемой работе рассмотрение заложенных в романе Фенелона идей и их русских отзвуков, в высшей степени удачное и продуктивное, обозначает, кроме прочего, плодотворность пересечения дисциплинарных границ: не останавливаясь перед анализом художественных текстов и их политических импликаций, екатеринбургские историки – вслед за американскими коллегами, такими как С. Виттакер и Э. Виртшафтер – обозначают важнейшее, но слишком часто

заслоняемое дисциплинарными разграничениями направление совместных исследований, много обещающее и историкам, и литературоведам.

Работа М.А. Киселева и К.Д. Бугрова будет составлять необходимую точку отсчета для любого рассмотрения русской интеллектуальной истории XVIII в., как с точки зрения описанных в ней фундаментальных парадигм политической мысли, так и благодаря скрупулезному анализу русских источников, уточняющему многие поверхностные представления и развенчивающему историографические мифы. Именно поэтому может быть уместно высказать несколько соображений о том, как эта работа соотносится с некоторыми узловыми вопросами интерпретации петровской реформы и разными подходами к ним.

Первый из этих вопросов – вопрос о статусе заимствований с Запада в устройстве петровского проекта. Как пишет М.А. Киселев, «Петр, подобно искусному механику, подбирал различные элементы иностранного законодательства и затем использовал их в качестве элементов для создания собственного идеального государства-механизма, которое бы работало на общее благо» (с. 90). За этой в целом бесспорной констатацией стоит специфическое, восходящее к петровской эпохе наложение понятий иностранного и идеального, географической дистанции и различия между практикой и теоретической нормой. Эта семантическая конструкция сама по себе принадлежит петровскому языку – так, в «Уставе морском» голландское кораблестроение, основанное на «долговременной практике», противопоставляется кодифицированной английской морской архитектуре – и требует исторической рефлексии. Здесь необходимо вспомнить о наработках отечественной школы культурной семиотики. В специально посвященной этому вопросу работе «К семиотической типологии русской культуры XVIII в.» Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский описывают противостояние между практикой и «миром правил», «регулярной системой метаясударственности» как узловой момент мышления и языка петровской реформы. На юридическом материале этот тезис развивает В.М. Живов в развернутой работе «История русского права как лингвосемиотическая проблема», подчеркивая фундаментальное расхождение между обычным, прагматическим и книжным, «культурным» правом, связанным с царской реформистской утопией. Авторы рецензируемой работы сами солидаризируются с этим подходом, ссылаясь на употребленное Д.А. Рединым в статье о вятских ландратах понятие петровского «“воображаемого” идеального государства» (с. 89). Характерно, что представители других школ мысли пришли к сходным выводам на западном материале: так, Фуко и вслед за ним новейший историк идей Роберт фон Фридебург, автор книги о ранней истории понятия «государство» в начале Нового времени, видят в нем теоретический конструкт, абстракцию, существовавшую в противопоставлении требующим укрощения практическим реалиям. Систематический зазор между государственной нормативностью и практикой в начале Нового времени остается важнейшей методологической проблемой, не только указывающей на важность эмпирических изучений, но

и осознанной внутри исследуемых историками идей политических языков. Сам этот зазор был важнейшей фигурой мысли, определявшей узловую для рецензируемой работы связь между государственностью начала Нового времени и языком.

Второй важнейший вопрос, просвечивающий в исследовании К.Д. Бугрова и М.А. Киселева, – вопрос о петровской секуляризации, о соотношении светского и религиозного в петровской реформе. Прочитанный выше справедливый вывод о не исчезающей важности богословия для Петра резонирует с книгами Э. Зицера о всешутейшем соборе и В.М. Живова о церковной истории петровской эпохи, и со стоящими за ними культурно-семиотическими исследованиями «сакрализации монархии» в секулярной петровской империи. Этот вопрос укореняется в рецензируемом исследовании в подробном рассмотрении теоретических дискурсов эпохи. Так, рассматривая переведенный по приказу Петра и вышедший уже после его смерти труд С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина», екатеринбургский историк вписывает его в масштабный процесс секуляризации, заменяющей мистические основания власти в откровении рационально познаваемыми «законами естества» и, вслед за тем, абстрактными «Государством, Народом, Расой, Классом или Разумом». Здесь следует ссылка на Карла Шмитта и его знаменитое определение «политической теологии»: «все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия» (с. 193). Формула Шмитта, однако, возвращает нас к возможности диалектического, а не телеологически-прогрессивного взгляда на проблему: описывает ли понятие секуляризации последовательный процесс или логику тропа, фигуру мысли? Современная политика вытесняет богословие или постоянно подразумевает его? Этим же вопросом задаются в связи с западной модерностью последователи Шмитта Э. Канторович и Дж. Агамбен, а в связи с петровской реформой — Лотман. Возможность двойной интерпретации хорошо видна из недатированной собственноручной заметки Петра, в которой необходимость знания и образования обосновывается двумя способами: «Выше всех добродетелей разсуждение, ибо всякая добродетель без разума — пуста. <...> надлежит <...> невинность в разуме, а не в глупости содержать, по глаголу Христову: “Будите мудри, яко змия, и цели, яко голуби”». Формула рационального познания соседствует и отождествляется здесь с евангельским уроком, богословие и «естественное право» (эту заметку позволительно связать с переводом Пуфендорфа) оказываются не столько противоположными, сколько взаимодополняющими способами мысли и языка. Как и многие другие узловые моменты петровской реформы, это соседство (как бы его ни истолковывать) замечательно продемонстрировано в рецензируемой монографии, искусно совмещающей основательность с богатством вызывающей к диалогу мысли.

Kirill Ospovat

University of Wisconsin-Madison